

С.А. РОМАНЕНКО

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ И СУДЬБА МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

Судьба монархии Габсбургов – Австрийской, с 1867 г. – Австро-Венгерской империи, государства, несколько веков охватывавшего большую часть Средней Европы, волновала его современников; волновала, волнует и будет волновать историков. В последние два десятилетия исследователям разных стран и направлений во многом удалось преодолеть “нарратив победителей” 1918 г. – как “западных демократий”, так и российских большевиков. Ныне к Австро-Венгрии относятся не как к “тюрьме народов”, а как к сложной исторически сложившейся и просуществовавшей несколько столетий этнополитической системе. Ее составной частью были и национальные движения неполноправных, в том числе и югославянских народов, далеко не всегда стремившиеся к революционному разрушению империи.

Для объяснения причин реализации именно такого результата развития многонациональной империи – ее внутренних противоречий, вовлеченности в роковую мировую войну, поражения и распада, историки давно и активно используют методы и достижения этнологии, истории государства и права, политологии. В отечественной историографии Австро-Венгрии данный – междисциплинарный – подход связан прежде всего с именами В.И. Фрейдзона и Т.М. Исламова¹. В предлагаемой вниманию читателя статье автор стремится продолжить эту линию исследования и рассмотреть Австро-Венгрию как совокупность сложных этнополитических и этносоциальных процессов, как историческую реальность, просуществовавшую с 1867 по 1918 г. При этом проблемы многонациональной империи анализируются, исходя из системы ключевых понятий, многие из которых в конце XIX – начале XX вв. находились в центре политической борьбы, а сегодня находятся в центре исследовательской полемики.

* * *

После Первой мировой войны, закончившейся военным поражением союзника Германии – Австро-Венгрии, ее распадом и образованием нескольких независимых государств политики, пропагандисты и по мере удаления событий – историки стремились не столько проанализировать причины такого исхода, сколько доказать его

Романенко Сергей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института экономики РАН.

¹ Освободительные движения народов Австрийской империи, т. 1–2. М., 1980 – 1981; *Schultze H.* Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München, 1993; *Denić B.* Etnički nacionalizam. Beograd, 1996; *Haselsteiner H.* Ogledi o modernizaciji u Srednjoj Evropi. Zagreb, 1997; *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999; *Suppan A.* Oblikovanje nacije u građanskoj Hrvatskoj (1835–1918). Zagreb, 1999; *Альтематт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000; *Milosavljević O.* U tradiciji nacionalizma ili stereotipi srpskih intelektualaca XX veka o “nama” i “drugima”. Beograd, 2002; *Stančić N.* Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002; *Historijski mitovi na Balkanu.* Zbornik radova. Sarajevo, 2003; *Greenberg R.D.* Language and Identity in the Balkans. Oxford, 2004, и др.

неизбежность, имея в виду прежде всего легитимность “своих” государств, среди которых было Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Королевство Югославия)².

С началом Второй мировой войны межэтнические и межгосударственные конфликты 1914 – 1918 гг. в большей мере использовались в качестве материала для политической пропаганды, основанной как на непосредственно историческом материале, так и на параллелях между двумя глобальными противостояниями. Мало что изменилось в годы “холодной войны”. Тогда воссозданному югославскому государству необходимо было доказывать легитимность и историческую закономерность не только своего существования как независимого государства югославянских народов, но также легитимность и закономерность установленного данного социально-экономического и политического строя. Не говоря уже о том, что историческая наука в СФРЮ, как и в других социалистических странах, считалась “важнейшим партийным делом”. В период распада СФРЮ в конце 1980 – начале 1990-х годов и новой волны создания независимых национальных, но полиэтничных по составу населения государств, историко-государственная и региональная самоидентификация в массовом национальном самосознании сербов, хорватов, словенцев и мусульман-босняков, традиции их взаимоотношений между собой, а также отношений к инациональному государству, прежде всего – Австро-Венгрии, восходившие к XIX – началу XX вв. также сыграли свою роль. Официальная идеология югославизма как совместного государства этнически родственных, даже братских народов на основе социальной однотипности потерпела крах, уступив место узкому этническому национализму. Принадлежность в относительно недалеком прошлом к монархии Габсбургов и региону Средней Европы стала одним из краеугольных камней формировавшегося в процессе национального самоопределения словенцев и хорватов, отрицавшего тот самый югославизм, под знаменами которого в 1918 г. на руинах Австро-Венгрии и было создано новое государство. При этом конфликты и связанные с ними мифы, предрассудки и стереотипы служили фундаментом нового национального исторического самосознания³.

Более всего исследователей последнего периода существования монархии Габсбургов волновала и волнует проблема возможности сохранения этого многонационального государства как единого целого и его реформирования⁴. Ответ на этот об-

² См.: *Фрейдзон В.И.* Основные тенденции межвоенной историографии югославизма 1914–1941 гг. – *Славяноведение*, 1997, № 6.

³ См.: *Романенко С.А.* Хорватская историография 80-х: между историей и политикой. – Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994; *его же.* История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант (1980 – 1990 гг.). – *Национализм в мировой истории*. М., 2007; *Islamov T., Miller A., Romanenko S. et al.* Soviet Historiography on the Habsburg Empire. – *Austrian History Yearbook*, v. XXVI, 1995; *Фрейдзон В.И.* О хорватской историографии 1950–1980 гг. по национальной идеологии. – *Славяноведение*, 1999, № 5.

⁴ См.: *Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1924; *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca osamnajestog stoletja do 1918. Ljubljana, 1966; *Austrian History Yearbook*, 1967, v. III, p. 2; *Полтавский М.А.* История Австрии: пути государственного и национального развития. Ч. 2. От революции 1848 г. до революции 1918–1919 г. М., 1992; *Malkolm N.* Bosnia. A Short History. London, 1994; *Австро-Венгрия: Опыт многонационального государства*. М., 1995; *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика*. М., 1997; *Filandra Š.* Bošnjačka politika u XX. stoljeću. Sarajevo, 1998; *Imatović M.* Istorija Bošnjaka. Sarajevo, 1998; *Imatović E. et al.* Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svjetskog rata. Sarajevo, 1998; *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999; *Gross M.* Izvorno pravaštvo. Zagreb, 2000; *Grijak Z.* Politička djelatnost vrhobosanskog nadbiskupa Josipa Štadlera. Zagreb – Sarajevo, 2001; *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. СПб, 2001; *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в Центре Европы. М., 2002; *Исламов Т.М.* Крах Австро-Венгерской монархии. – *Мировые войны XX в.* Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002; *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003; *Goldstein I.* Hrvatska povijest. Zagreb, 2003; *Povijest Hrvata*. Od kraja 15. st. do kraja Prvog svjetskog rata, knj. 2. Zagreb, 2005; *Воцелка К.* История Австрии. М., 2007;

ший вопрос требует постановки и исследования нескольких более частных вопросов. Перечислим лишь некоторые из них. Могла ли многонациональная Австро-Венгрия сохранить свою целостность вместе с имперской формой организации? Насколько неизбежна и необходима была война для монархии с точки зрения решения проблем ее внутреннего развития? Возможен ли был иной, мирный путь смягчения или устранения ее внутренних, в том числе и национальных противоречий методом реформ, в частности национально-государственного переустройства? Осуществимо ли было превращение дуалистической монархии в триалистическую, т.е. создание третьего государственного образования, охватывавшего территории, на которых югославянские народы составляли большинство населения, территории, которые они считали “своими”, а также в какой степени и на какой срок это превращение стабилизировало бы государство? Какова роль национального вопроса как этнополитического феномена в комплексе причин распада Австро-Венгрии? Какое воздействие оказала Первая мировая война на этнополитические процессы и, наоборот, какова была роль этнополитических процессов в развязывании и ходе Первой мировой войны для Австро-Венгрии? Действительно ли именно югославянский вопрос сыграл ключевую роль в распаде монархии Габсбургов? Можно ли объединить под названием “югославянский вопрос” проблемы национального самоопределения и территориального единства хорватов, сербов, словенцев, боснийских мусульман, правовой и этнотерриториальный вопрос статуса и принадлежности Боснии и Герцеговины, а также этнополитический и геополитический “адриатический вопрос”? И, наконец, последний вопрос, с которым рано или поздно сталкивается любое многонациональное государство: как сохранить свою целостность – путем репрессий и подавления процесса национального самоопределения или же максимальной либерализацией внутривнутриполитической жизни и государственного устройства, расширением прав предоставлением прав как этническим коллективам, так и отдельным гражданам. Почему все-таки в Австро-Венгрии национальные революции одержали победу, а социальная потерпела поражение?

В общественном сознании народов южной части Средней Европы и идеологии их национальных движений укоренилась не французская и британская трактовка понятия “нация” как гражданской полиэтничной общности, а германская, рассматривавшая “нацию” как этническую общность. К этому добавилась и конфессиональная составляющая⁵. В коммунистической идеологии и официальной науке социалистических стран (в том числе и Социалистической Федеративной Республики Югославии) термину “национализм”, который чаще всего употреблялся вместе с прилагательным “буржуазный”, придавался исключительно негативный смысл. Закономерно возникающий на определенном этапе исторического развития национализм является одной из форм коллективного сознания, которая проявляет себя в разных типах национализма – этническом, политическом, культурном, экономическом и так далее. В более узком смысле, в качестве идеологемы, этнический национализм – это “трактовка нации – этноса как высшей ценности и формы человеческой общности. Сопровождаемый идеей национального превосходства и исключительности, он нередко приобретает крайние формы (шовинизм), ведет к острым внутри- и межгосударственным конфликтам”⁶. Национализм (если трактовать нацию как этническую общность, иными словами – этнонационализм) тоже можно назвать и нравственным принципом (чувство любви к своей нации-этносу, верности и долга перед ней, а также представление о ее превосходстве – правовом, политическом, интеллектуальном, культурном над другими нациями), и идеологией – системой взглядов, состоящих из национального самосознания, а также политических и иных требований, направленных на обеспечение интересов

Исламов Т.М., Хаванова О.В., Романенко С.А., Ненашева З.С. Австро-Венгрия в период Первой мировой войны. – Война и общество в XX в., кн. 1. М., 2008, и др.

⁵ См.: Тишков В.А., Шнирельман В.А. Введение. – Национализм в мировой истории. М., 2007.

⁶ Большой энциклопедический словарь. М., 2004, с. 788.

своей нации. Агрессивный этнический национализм ставит “свою” нацию-национальность превыше всего, отрицает не только права, но, зачастую, само существование других наций-этносов, соединяет “любовь” к своей общности с неприятием других. Как и патриотизм, национализм имеет свои хронологические рамки (на наш взгляд, можно выделить следующие этапы в истории национализма – последняя четверть XIX – начало XX вв., 1914 – 1918 гг., 1920 – 1940-е годы и т.д.), а также региональные особенности соответственно в Западной, Средней (Центральной) и Юго-Восточной) и Восточной Европе.

Заметим, что, на наш взгляд, патриотизм определяется как нравственный (а также идеологический) принцип, чувство любви к отечеству, готовность подчинить его интересам свои личные или групповые интересы. В качестве идеологемы, патриотизм призван не только обеспечивать права своего отечества, но может и обосновывать территориальные притязания к другим “отечествам”, может не только защищать свое, но и отрицать права и само существование других “отечеств”. В этом случае патриотизм близок к национализму, опирающемуся на этническую трактовку понятия “нация”.

Третьим важным элементом сознания жителей монархии Габсбургов была верность династии. Она могла как совпадать с этническим национализмом и патриотизмом, так и противоречить им.

Идеология национальных движений народов Австро-Венгрии основывалась на трех базовых политико-правовых принципах: национальный принцип, историческое государственное право и естественное право. Под национальным принципом понимается право каждого народа пользоваться родным языком в суде, школе и органах управления. Историческое государственное право – это представление о том, что современные народы и государства являются наследниками, правопреемниками и продолжателями традиций средневековых феодальных государств. Естественное право – это право каждого народа на национальную свободу, равноправие с другими народами, суверенитет и территориально-политическое единство.

Естественно, возникает проблема соотношения национализма как психологического и политико-идеологического феномена и основных типов политической идеологии, таких как консерватизм, либерализм, социализм, радикализм. На наш взгляд, необходимо различать три разных явления: либеральный национализм, программу (или взгляды) либералов по национальному вопросу и “национал-либерализм” в том значении, которое ему придавал В.И. Ленин – стремление “буржуазии разрешить национальный вопрос в рамках (границах) данного государства”⁷.

Национализм может быть радикальным по цели и методу ее достижения, но никак не связанным с радикализмом как с политической концепцией. Тип интегрального национализма, в том числе и в югославянском варианте означал разрыв с демократической традицией XIX в., в крайнем случае – до Первой мировой войны. Совместим ли национализм с демократией? Изначально, генетически национализм был связан с демократией, поскольку противостоял идее о том, что власть должна принадлежать династии, монарху, одному из сословий или классу, т.е. власть должна принадлежать нации в целом.

Однако трактовка понятия нация не была неизменной. Ответ на вопрос о том, гражданской или этнической (этноконфессиональной) общностью является нация принципиально разделяет национализм XIX в. и национализм XX в. Эволюция национальной психологии и идеологии национальных движений народов Австро-Венгрии наглядно продемонстрировал начавшийся в конце XIX в. переход от демократического национализма к его новому типу. Последний отвергал демократию и либерализм, поскольку видел в них силу, разрушающую нацию/этнос. Причем, в абсолют возводилась исключительно “своя” общность, “своя” нация, воспринимавшаяся как этни-

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 318. См. также: Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1973 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970.

ческая, а не как территориальное сообщество граждан. Старый национализм XIX в. ставил целью освобождение всех наций. Национализм же нового типа, XX в. исходил из принципа “здорового” национального (этнического) эгоизма, игнорировавшего существование других наций и их интересы. Его интересовала только собственная нация, т.е. он рассматривал нацию как некое органическое целое, гораздо более значимое, чем отдельная личность, любая социальная группа, тем более “чужая” нация и человечество в целом. И требовал безусловного подчинения личности национальным (понимаемым как этническая общность) интересам. Это размежевание между двумя историческими типами национализма явственно происходило в национальных движениях югославянских народов и приобретало политическую форму. Параллельно с этим в начале XX в. в идеологии национальных движений народов Австро-Венгрии, как и в Европе в целом соединялись этнонационализм и геополитика.

А национальные движения фактически охватывали собой все формы общественного движения, поскольку окружающий мир воспринимался сквозь призму этничности. Однако это вовсе не означает, что демократический и либеральный национализм принадлежали исключительно XIX в. Этот тип национализма также видоизменялся.

Типологизация национализма может быть и иной: национализм – это национализм нации, обладающей (пусть и полиэтничным), но воспринимаемым как свое этническое государство, и национализм нации, не обладающей подобным государством и входящим в состав иноэтничного государства. Оба эти типа национализма являются разновидностями одного и того же феномена и поэтому имеют много общего в генезисе, структуре, функционировании и идеологии. В то же время их цели и приоритеты в практической политике прямо противоположны. Цель и приоритет национализма первого типа – сохранение и обустройство уже существующего своего государства. Цель и приоритет национализма второго типа – национальное освобождение и создание своего собственного государства.

В протестном югославизме народов Австро-Венгрии существовали две тенденции – демократическая и унитаристская. Для сторонников первой было характерно признание этнической и политической индивидуальности каждого народа, даже в новообразованном государстве югославян (Хорватско-сербская коалиция, Югославянский комитет); последователи второй видели в сербах, хорватах и словенцах, не говоря уже о боснийских мусульманах, одну нацию-этнос. Это вело к отрицанию индивидуальности и прав народов, несмотря на факт их этнического родства (Ф. Поточняк и др). В этом югославистский унитаризм совпадал с сербским этническим унитаризмом; этнотерриториальные претензии были адресованы во вне, к другим государствам.

Однако у хорватов, сербов, словенцев и боснийских мусульман Австро-Венгрии существовал и антидемократический унитаризм моноэтничного типа, исходивший из интересов и прав исключительно одного – “своего” народа соответственно хорватов, словенцев, сербов, мусульман. В данном случае, он отрицал существование, индивидуальность и права других народов, ставя и этнотерриториальные проблемы уже не во внешний, а во внутренний контекст. К этому типу в конце XIX – начале XX в. можно отнести таких деятелей, как Й. Франк и С. Радич в Хорватии, И. Шустершич в Словении, сербских радикалов в Хорватии и Воеводине (Южной Венгрии). Национализм югославянских народов будучи протестным национализмом, частично носил более демократический характер, чем австрийский и венгерский. Однако после распада Австро-Венгрии, в рамках Королевства СХС он постепенно утратил свой демократизм.

Неизбежно возникает вопрос, что понимать под национальным самоопределением? Ответ на этот вопрос связан с двумя толкованиями понятия “нация”, о которых говорилось выше. Сутью этого процесса в регионе Средней Европы исторически является возникновение и развитие в различных формах этнического самосознания и идентичности, подтверждение (или повышение статуса, изменение формы признания) этой идентичности в политико-правовом поле. Национальное самоопределение может осуществляться не только путем распада прежнего многонационального государства и образования новых моно и многонациональных государств, но и в рамках сохране-

ния существующего государства как путем различных изменений государственного устройства (многонациональная империя или этнонациональное государство, возникшее в результате автономизации или федерализации отдельных частей империи)⁸, так и в результате смены политического режима. Национальное самоопределение может сопровождаться сепаратизмом при наличии определенных условий.

Однако отделение (сецессия) и стремление к государственной независимости, являясь максимальным требованием и конечной точкой процесса национального самоопределения, далеко не всегда тождественны национальному самоопределению как таковому. В сугубо политико-правовом отношении национальное самоопределение – это право каждой нации свободным волеизъявлением ее большинства, без вмешательства извне определять характер и форму своего государства и его правления, общественный строй, конституцию и отношение с другими народами и государствами. В этом смысле сепаратизм, т.е. стремление к отделению, принимающее форму политической и/или вооруженной борьбы за независимость того или иного народа или населения определенной территории от того или иного государства или присоединения к другому государству, является наиболее радикальной, – возможной, но вовсе не обязательной – формой осуществления процесса национального самоопределения⁹.

Национальное самоопределение (как политический лозунг, правовой принцип, стадия в этнополитическом развитии) является отражением в идеологии и психологии синтеза этнического и политического сознания. Но самоопределение вовсе не сводится только к факту провозглашения независимости и созданию национального (этнического – в условиях Средней Европы) государства, охватывающего территорию компактного проживания этнической общности, составляющей на ней большинство населения. Понятие “политическое самоопределение” объемнее понятия “государственное самоопределение”. Оно включает в себя не только создание органов государственной и судебной власти, представительных учреждений, но и политических партий, национальных движений, формирование национально ориентированного сознания. Национальное самоопределение – это не исключительно единовременный политический акт, но также и политико-идеологический, и этнопсихологический процесс, обладающий длительной исторической протяженностью и имеющий хронологические, национальные и региональные отличия у разных народов Европы. Проблема национального самоопределения исторически разрешалась в различных формах – автономии, федерации и полностью суверенного независимого национального государства. Таким образом, такие часто встречающиеся понятия, как национальное самоопределение, национальная революция¹⁰, сепаратизм, сецессия и ирредентизм – вовсе не синонимы.

До начала Первой мировой войны существовала возможность мирного развития процесса самоопределения при сохранении целостности многонационального государства. Вариант обретения самоопределения вне империи и без скипетра Габсбур-

⁸ Национальное государство – тип государства, отличительной особенностью которого является историческое, политическое и культурное единство его граждан и относительная этническая гомогенность населения.

Унитарное государство – тип государства, состоящий в единстве политико-правой системы государства, неделимости его суверенитета.

Империя – монархическое государство, представляющее собой наднациональную и надтерриториальную совокупность государств и территорий, управляемых единым императором.

См. об этом подробнее: Федерализм. Энциклопедический словарь. М., 1997; Федерализм. Энциклопедия. М., 2000; *Белгородская Л.В.* Имперский дискурс справочно-энциклопедических изданий Великобритании и США. – Федерализм, 2010, № 1.

⁹ Напр. ср.: Федерализм. Энциклопедия, с. 400–401, 472, 475; Федерализм. Энциклопедический словарь, с. 179–180.

¹⁰ Термин, использованный В.И. Лениным и Г.Е. Зиновьевым. Об этом см.: *Зеленин В.В.* В.И. Ленин о национальной революции южного славянства. – Советское славяноведение, 1969, № 2.

гов национальными движениями практически не рассматривался. Это предполагало сохранение системы дуализма как в изначальном, так и в реформированном варианте и переход к триализму. В этом случае третье образование могло опираться как на чешское, так и на хорватское (югославянское) образование. Он мог опираться как на монархическую, так и на республиканскую, федеративную основу. Проекты национального самоопределения вне монархии также существовали в двух вариантах – создание национальных (моноэтничных) независимых государств, и полиэтничных родственных государств, на основе югославизма и чехословакизма.

На национальное самоопределение можно посмотреть и иначе. Это – стремление к образованию некоего единого в этническом, политическом, государственно-правовом отношении целого. Национальное самоопределение может принимать форму совместной борьбы за это право нескольких как родственных, так и неродственных народов при признании их этнической индивидуальности и суверенитета каждого из них в рамках полиэтничной общности как субъекта государственного права. Поэтому представляется важным выявить, не противоречили ли друг другу собственно национальные и общеславянские идеи, как увязывались между собой панславистский и славянофильский, югославистский и австрославистский варианты общеславянского сознания.

Общеславянское сознание всегда было и остается даже сейчас (хотя в сильно видоизмененной форме и осознается не столь интенсивно) важным элементом национального сознания всех славянских народов, многие из которых на протяжении большей части своей истории боролись за свое существование и суверенитет, в том числе и за свободу национального самоопределения. Однако оно никогда не было исключительно так называемым “прогрессивным фактором”, который якобы не входил в противоречие с собственно этническим самосознанием и интересами каждого отдельно взятого славянского народа и процессом его самоопределения (причем однозначно “прогрессивным” на всех этапах его развития). На разных этапах развития каждого славянского народа, как и славянской общности в целом и ее региональных разновидностей, общеславянское сознание – как сознание архаичное, мифологизированное, основанное на этнических стереотипах, консервативное по своей сути – может не только не способствовать развитию национального сознания, но и препятствовать ему. Отсюда кризисы “славянской идеи”, в ходе которых национальное сознание каждого народа заново перерабатывает свой “славянский” компонент, находя ему в своей внутренней структуре новое толкование и место в структуре национально-государственных интересов. На Балканах возникали и этноунитаристские теории, пытающиеся представить полиэтничную общность как единый субъект государственного права, экономических и политических отношений при отрицании самого факта существования входящих (или включаемых) в нее разных этносов.

Общеславянское сознание, являясь, с одной стороны, элементом, присутствующим в сознании каждого славянского народа, – представлением о его принадлежности к крупной и сильной общности этнически и культурно родственных народов, а с другой, – культивировавшейся (да и до сих пор культивирующейся) идеей об их политическом единстве, – тесно переплеталось с собственно этническим сознанием каждого славянского народа, уходило своими корнями в этногенез и бытующие представления о нем. Но уже с конца XVIII в. славянская полиэтничная общность состояла не только из отдельных этносов, но и из формировавшихся этносов-наций, стремившихся к обретению полного политического суверенитета¹¹. Самосознание славянской общности опиралось на общность происхождения, родство языков и некоторых элементов культуры. Особенно близкими были друг к другу славянские народы, относившиеся к одной из региональных ветвей славянства, соответственно – восточному, западному и южному. Однако “общность судьбы” присутствовала далеко не всегда, отсутствовало

¹¹ О понятии “суверенитет” см.: Федерализм. Энциклопедия, с. 530 – 532; Федерализм. Энциклопедический словарь, с. 234–237.

сознание общности истории, не было и общей государственной, экономической и профессиональной идентичности.

Сообщества восточно-, западно- и южнославянских народов “можно условно рассматривать как промежуточные между отдельными славянскими этносами и славянской суперэтнической общностью, объединяемой этногенетическим и языковым родством”¹². Автор этого тезиса – известный российский ученый А.С. Мыльников выстроил “иерархический ряд: суперэтническая славянская общность – медиолокальная этническая общность (т.е. восточные, западные или южные славяне. – *С.Р.*) – отдельные этносы”¹³. При этом необходимо также иметь в виду, что восточные славяне в основном относятся к историко-географическому региону Восточной, западные славяне – Центральной, а южные – Юго-Восточной Европы.

Существуют и другие точки зрения. Историко-географический регион¹⁴ Средней Европы состоит из двух субрегионов – Центральной Европы и Юго-Восточной Европы, т.е. Балкан¹⁵. Как до, так и после переустройства этого пространства после окончания Первой мировой войны этот регион относили также к Восточной Европе¹⁶.

Вопрос о взаимоотношении таких терминов и явлений, как панславизм и славянофильство, на различных этапах их развития, чрезвычайно сложен и относится к числу наиболее дискуссионных в отечественной историографии. Его можно рассматривать и как разновидность русского этнического национализма, и как одну из форм общеславянского сознания. Не вдаваясь в обсуждение этой проблемы, выходящей за рамки данного исследования, заметим, что нам представляется вполне корректной та точка зрения, что славянофилы были сторонниками “духовно-культурной славянской взаимности, причем преимущественно православных славян”, которые выступали за свободное и равноправное политическое бытие славянских народов. Панславизм же трактуется как политическое объединение славян под эгидой России¹⁷.

Австрославизм признавал возможность сохранения Австро-Венгрии (до 1918 г. это государство охватывало большую часть субрегиона Центральной и часть субрегиона Юго-Восточной Европы) при условии проведения реформ. Югославизм был

¹² Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века, 2-е изд. СПб., 2000, с. 13.

¹³ Там же, с. 10.

¹⁴ Термин “регион” в научной литературе употребляется в нескольких значениях. Во-первых, близком значению слова “область” внутри государства, в данном случае, например, Сербии. Во-вторых, как “историко-географический регион” – Балканы (Юго-Восточная) и Центральная Европа. В-третьих, в странах ЕС возникло понятие “еврорегион” – трансграничное сотрудничество сопредельных областей разных государств.

¹⁵ См.: *Стыкалин А.С.* Тофик Муслимович Исламов (1927–2004) как исследователь межнациональных и международных отношений в Средней Европе. – *Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв.* СПб., 2009, с. 5.

¹⁶ О дискуссиях и историческом содержании понятий “регион”, а также “Восточная Европа”, “Средняя Европа”, “Центральная и Юго-Восточная Европа”, “Центрально-Восточная Европа” см. напр.: *Восточная/Центральная Европа: от изобретения прошлого к конструированию настоящего.* – *Неприкосновенный запас*, 2001, № 6 (56). См. также: *Исламов Т., Фрейдзон В.* Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? – *Европейский альманах. История. Традиции. Культура.* М., 1992; *Центральная Европа как исторический регион.* М., 1996; *Романенко С.А.* От государства-региона к региону государств. Австро-Венгрия и процесс национального самоопределения. – *Историческая и культурная ситуация в Центральной Европе: интеграционные процессы и национальная специфика (1867–1918).* М., 1997; *его же.* Монархия Габсбургов, Средняя Европа и обретение Хорватией независимости. – *Российско-австрийский альманах. Исторические и культурные параллели*, вып. 1. М. – Ставрополь, 2004; *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*, в 3-х т. М., 2000 – 2002, и др.

¹⁷ См.: *Славянская идея: история и современность.* М., 1998; *Павленко О.В.* Панславизм. – *Славяноведение*, 1998, № 6; *Досталь М.Ю.* Славянский мир и славянская идея в философских построениях и практике ранних славянофилов. – *Славянский альманах*, 2000. М., 2001; *Удунян Ар.А.* Балказия и Россия. 1900–1914. М., 2002.

ориентирован на ее развал и создание новой государственности на границе регионов и на основе этнической близости. Государственно-региональная близость заменялась этно-регионально-государственной. Это означало изменение региональной идентичности словенцев и хорватов, ощущавших свою принадлежность к западным славянам и Средней Европе, а также вело к изменению границ региона, что и произошло после окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгрии.

Основой югославизма, так же как и австрославизма, было этническое родство. Следовательно, и он являл собой специфическую разновидность этнического национализма, хотя и исходил из признания идентичности и прав нескольких (а не одного, как моноэтничный национализм) народов. Его можно назвать полиэтничным национализмом. Хотя, как показала дальнейшая историческая практика, и полиэтничный национализм постепенно превращается в моноэтничный, отрицающий идентичность и права даже родственных этнических общностей и их государственных образований в пользу какого-то одного – “государствообразующего”. Идеи югославизма проявлялись в основном в исторической, политической, культурной формах сознания. Сложнее говорить о лингвистическом сознании, поскольку, несмотря на наличие некоторых общих грамматических принципов и в значительной степени общего словарного запаса, каждый народ отождествлял название языка именно со своим этнонимом. Югославизм существовал в основном как политическое течение на уровне идеологии, а политическая идеология национального движения каждого народа абсолютизировала факт этнического родства в своих собственных интересах. Что же до общности территории, то, как показывает исторический опыт, она не всегда может считаться основной характеристикой этнической общности. Все эти чувства и идеи проявлялись на разных уровнях – как индивидуального, так и коллективного (группового и массового) сознания. Таким образом, югославизм можно охарактеризовать как «систему представлений, исходящих из принципа общности происхождения и культурно-языкового единства южных славян; национального единства, якобы уже существующего (“интегральный” югославизм), или потенциального единства, или близости родственных народов»¹⁸.

Югославизм в своем развитии (так же как и узкий этнический хорватский и сербский радикальный этнический национализм), в разные периоды принимал разные исторические формы. Существовали также неизбежные национальные (между хорватским и сербским) и региональные отличия (Хорватия, Далмация и Славония, Сербия, Словения) трактовки югославизма. Югославизм второй половины XIX – начала XX в. не всегда и не во всех своих вариантах был противоположен идее целостности Австро-Венгрии и сохранения династии Габсбургов на троне; он мог по направленности совпадать с австрославизмом.

Ход истории в большинстве государств Средней Европы в XIX–XX вв. был связан с двумя политико-идеологическими феноменами – концепциями “славянского братства” и “пролетарского интернационализма”. На некоторых этапах преобладала одна концепция, на других – иная. Впрочем, обе они встраивались в концепции национально-государственных интересов разных стран.

В общем плане братство – это проявление коллективной психологии, закрепляющее самосознание и идентичность, определенных (конфессиональных, этнических, классовых) общностей (в более узком смысле – политических организаций), а также формально провозглашенное равенство положения, статуса и возможностей членов этих общностей. По своей сути понятие “братства” в новое и новейшее время восходит к христианскому пониманию братства, трактуемого как “тесное межличностное единство между людьми, основанное на общности разделяемых ими глубинных духовных ценностей и предполагающее добровольную взаимную заботу и самоотдачу в

¹⁸ Фрейдзон В.И. Основные тенденции межвоенной историографии югославизма, 1918 – 1941 годы, с. 58.

любви”, как “поддержка друг друга в тяжелых жизненных обстоятельствах и защита своей конфессии” (впоследствии – нации или класса) от ее противников¹⁹.

Исторически возникновение понятия “братство” в национальной идеологии и психологии народов Средней Европы восходит к периоду, когда конфессиональная принадлежность являлась ведущим компонентом этнической (само)идентификации и имущественных, политических и иных прав перед лицом инонационального государства. Принадлежность славянских народов к разным конфессиям – в основном, православию, католицизму и мусульманству – противоречила этнополитической концепции “славянского братства”.

Славянское братство – специфическое проявление в сфере политической психологии и идеологии феномена славянской общности. В зависимости от конкретных исторических условий оно могло выполнять как этнозащитную, так и этнонаступательную, этнонивелирующую, ассимилирующую функцию по отношению как к неславянским, так и славянским народам.

Впоследствии, по мере формирования социального, в особенности классового самосознания, уже имевшиеся этические принципы братства были использованы творцами новой классовой идеологии. Пролетарский интернационализм с его идеей братства и солидарности трудящихся всех стран, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, их взаимопонимание и доверие – прямая противоположность этническому национализму. Он основывался на идее универсальных ценностей, носителем которых оказывается пролетариат.

Пролетарский интернационализм – это марксистский постулат, подчеркивающий единство положения и интересов трудящихся разных стран, независимо от их национальной и конфессиональной принадлежности, а также их общую цель – необходимость свержения эксплуататоров как средство достижения социальной справедливости.

Отличительной чертой южной части Средней Европы как субрегиона запаздывающего развития, с одной стороны, и долговременного совместного (смешанного или чересполосного) проживания разных этносов при отсутствии четких (в том числе политических) границ этнических территорий – с другой – было иное содержание принципа “одна территория – одна нация – одно государство”. Он воспринимался как принцип “одна этническая общность (этнос, национальность) – одна территория – одна конфессия – одно государство”. Окружающий мир воспринимался и воспринимается ими в первую очередь в этнических категориях. В сознании народов этого субрегиона было распространено отождествление понятий “нация” (в гражданском смысле) и “национальность” (в этническом смысле), и в результате утвердилась модель не полиэтничного государства-нации, а моноэтничного государства-национальности. Следовательно, балканские народы, часто жившие на одной территории, объективно препятствовали политическому самоопределению друг друга, и самоопределение другого (соседа и “брата”) зачастую воспринималось каждым из них как сепаратизм и сецессия.

В этом и кроется одна из причин постоянной напряженности и многочисленных межэтнических и межгосударственных конфликтов в данном регионе. Кроме того, модель государства-национальности часто увязывается с так называемым “особым” – национальным или региональным – путем социального и экономического развития как якобы возможной альтернативы западноевропейской цивилизации и политической культуре.

С другой стороны, вся история Средней (Центральной и Юго-Восточной) Европы и многонациональной монархии Габсбургов как ее составной части пронизана стремлением каждого народа – этнической общности, найти “справедливое” исключительное для себя соотношение между территорией, которую данный народ считает своей этнической территорией, и территорией государства. Это – одна из основных посылок

¹⁹ См. напр.: Католическая энциклопедия, т. 1. М., 2002, с. 739; Православная энциклопедия, т. 2. М., 2003, с. 200; www.uic.nnov.ru/~dofa/br_termin.htm; www.azbuka-hrist.narod.ru

национальной психологии и идеологии национальных движений южнославянских народов, а впоследствии – национально-государственных интересов созданных ими государств. Такая постановка вопроса неизбежно вызывает этнотерриториальные конфликты, в особенности в условиях смешанного проживания разных этносов на одной территории. После двух Балканских войн и Первой мировой войны и распада в начале XX в. четырех многонациональных империй – Османской, Австро-Венгерской, Российской и Германской, – постоянной и важнейшей проблемой во взаимоотношениях между независимыми балканскими государствами стал поиск наиболее выгодной, эффективной и безопасной организации этнополитического пространства, поиск путей поддержания стабильности и преодоления этнотерриториальных конфликтов. Эта же составляющая сохранилась и после Второй мировой войны, и после окончания “холодной войны”.

Как средство обеспечения стабильности и преодоления этнотерриториальных конфликтов идеям организации на этнической почве противопоставлялись различные региональные – балканские и центрально-европейские проекты, выдвигавшиеся в разное время представителями разных политических сил в национальных движениях. Каждый проект предполагал не только разный состав участников, разные принципы организации, но и различные границы. В поисках альтернативы имперскому варианту организации этнополитического пространства Средней Европы с середины XIX в. между собой конкурировали проекты организации, исходившие из этнического принципа, и различные варианты организации, исходившие из суверенитета государств. Балканские проекты, как правило, основывались на перспективе разрушения монархии Габсбургов, центрально-европейские – на сохранении территориальной целостности этого государства при условии его преобразования. В разное время и в разных обстоятельствах данные проекты выдвигали представители различных политических сил в национальных движениях – австрийские военные круги, венгерская оппозиция, южнославянские социал-демократы и другие силы. Пока существовала Австро-Венгрия – монархия Габсбургов, авторы этих планов в основном исходили из идеи ее территориального сохранения при изменении административно-политической системы, т.е. превращения ее в федерацию или конфедерацию, объединение территорий или объединение народов. Достаточно вспомнить проекты второй половины XIX – первой половины XX в.: Дунайскую конфедерацию венгров Л. Кошута (в иной трактовке – О. Яси), Срединную Европу австрийского немца Ф.Л. Шварценберга (вторая половина XIX в.) и немца Ф. Науманна (1915 г.), Пан-Европу Р. фон Куденхофа-Калерги (1920-е годы), различные другие формы регионального сотрудничества государств региона²⁰. Хотя эти проекты и относились к одному региону, их политические и идеологические основы были совершенно различны.

Каждая концепция изначально предполагала не только разные принципы, но и разные территории и границы образований. Югославия в 1918–1991 гг. и Чехословакия в 1918–1992 гг. были воплощением славянского “этнического” проекта. Иной вариант представляли собой политические и военные союзы независимых государств. Балканский союз 1912 г. (Болгария, Греция, Сербия и Черногория) был создан для войны с целью национального освобождения и объединения этнических территорий. В последующий период, как после Первой, так и после Второй мировой войны региональные союзы государств создавались для того, чтобы сохранить стабильность и воспрепятствовать вмешательству в дела региона “великих держав” и военно-политических группировок.

Будучи неотъемлемым компонентом этнического сознания и самосознания у русских и у южных славян славянское сознание, вступая в контакт с иными формами сознания, выполняло у этих народов в разных обстоятельствах в разные исторические периоды и по отношению к разным соседним народам различные функции: этнообразующую, этноконсолидирующую, этноинтегрирующую (в полиэтничной общности

²⁰ См. напр.: *Hazelsteiner H. Ogleđi o modernizaciji u Srednjoj Europi*, s. 31–75.

регионального и цивилизационного характера), этнозащитную и этнонаступательную (ассимиляция), этнонивелирующую и этнодифференцирующую (в особенности в полиэтничных и многонациональных государствах). При этом оно испытывало на себе и их обратное воздействие, будучи тесно связанным с образованием и развитием национальных языков, культуры, мировоззрения, а также осознанием принадлежности индивидуума и этнической общности к историко-географическому региону и цивилизации. Общеславянское самосознание (а также региональные его формы – югославизм и австрославизм) могло способствовать как зарождению межэтнических конфликтов, так и предупреждению и сглаживанию их.

Первая мировая война была не только общемировым, прежде всего – общеевропейским, столкновением государств и военно-политических блоков, продиктованным “межимпериалистическими” – экономическими, политическими и военными – интересами, тенденциями развития и противоречиями. Ее причины, содержание и характер дают основания назвать Первую мировую войну и крупнейшим межэтническим и этнотерриториальным конфликтом, связанным с процессами национального самоопределения народов Средней Европы. Эпицентром этого конфликта закономерно стала охватывавшая большую часть этого региона многонациональная Австро-Венгрия. Империя, монархия и династии Габсбургов оказались в исторической ловушке: война, начатая, как им казалось, во имя сохранения, самосохранения, против национальной революции, закончилась не только военным поражением, но и гибелью империи, монархии и династии. Война как социально-политическое явление стала главной причиной распада многонационального государства, череды национальных революций и образования нескольких национальных (но полиэтничных по составу населения) государств.

До июля 1914 г. было очевидно, что Австро-Венгерская империя не имела возможности одновременно и сохраниться как государство, и удовлетворить этнотерриториальные притязания Сербии, Италии, Румынии, России – государств, которые имели на территории монархии Габсбургов своих соплеменников и на основе государственного и естественного права выдвигали к ней территориальные претензии (Босния и Герцеговина, Далмация, Истрия, Трансильвания, Буковина, Галиция). Попытка разрешить тесно связанные между собой внутренние межэтнические и внешние этнотерриториальные межгосударственные конфликты, а также преодолеть дефекты внутреннего развития путем экстенсивного развития в духе предшествующей исторической эпохи – победоносной войной, уничтожением противника путем поглощения его территории и национальным угнетением – привела Австро-Венгерскую империю к катастрофе.

Война вызвала не только кризис экономики и системы управления государством, но и привела к росту национальных движений, характер которых видоизменялся. Если в 1914–1916 гг. они в основном сохраняли центростремительную направленность, то в 1917–1918 гг. произошел качественный поворот в сторону центробежного развития. Этнонационализм, шовинизм и великодержавие, использованные властями как средство мобилизации масс и подавления процессов национального самоопределения, которые до войны, да и в значительной мере во время нее отнюдь не предполагали разрушения империи и свержения монархии, постепенно достигнув гипертрофированных размеров, обратились в свою противоположность. Будучи основой центростремительных тенденций на первом этапе войны, на ее завершающем этапе они превратились в активных носителей центробежных тенденций. Этнонациональное сознание стало превалировать над осознанием общности, основанном на подданстве, верности династии и присяге.

Борьба центробежной и центростремительной тенденций присуща любому многонациональному и полиэтничному государству во второй период новой и в новейшей истории в XIX–XX вв., независимо от социально-экономического строя и политического устройства. Эта борьба обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению, на каждом витке своей истории – в новой форме. Усиление авторитарных и централистских тенденций, нарушение нормального раз-

вития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления неполноправных народов в условиях войны, военного поражения, неэффективности государственного аппарата и чрезмерно милитаризованной экономики ведет к утрате широкой полиэтничной социальной базы государства, к его распаду.

Возможно ли было сохранить многонациональную империю, и если да – то как: политикой унитаризма, централизации, мобилизации и насилия (одно из средств – “победоносная война”) или демократизацией, либерализацией, признанием полиэтничности, прав этнических коллективов наряду с общегражданскими правами (в рамках представлений и возможностей той эпохи)? На наш взгляд, в случае Австро-Венгерской монархии репрессии и централизация империи не только не укрепили, но и ослабили многонациональное государство, ускоряя его распад.

Этнополитическая ситуация в Австро-Венгрии определялась двумя конфликтами: конфликт государство – этнос и конфликт между разными этносами и их политическими представительствами – национальными движениями. Этнонационализм был присущ отнюдь не только неполноправным народам (в том числе и югославянским), но также и господствовавшим австрийским немцам и венграм. Радикализируясь, он постепенно начал подрывать основы ослабленных затянувшейся войной государства и социума, так и не ставших единым гражданским полиэтничным целым. Дуалистическая монархия так и осталась конгломератом земель и этносов; подданство не могло заменить гражданство. Хотя деятели Вены и Будапешта как носители идеи государства подчеркивали свою верность идее сохранения его целостности и правящей династии, объективно их политика и неготовность пойти навстречу этнонациональным движениям не только не укрепляли государство, но и разрушали его. Естественно, к этому надо добавить и растущее сопротивление национальных движений неполноправных народов, которое усиливалось растущей неспособностью властей решать экономические и социальные проблемы, прежде всего обеспечением продуктами и средствами существования, а также затяжной войной, уносившей все большее количество жизней.

Ни австронемецкая династия Габсбургов, ни правительство Венгрии не смогли стать наднациональным регулятором межнациональных противоречий. О возможности (вполне реальной) сохранения целостности Австро-Венгрии как монархического государства имперского типа, на наш взгляд, можно говорить стратегически только до начала войны в 1914 г., а конкретно-политически – до 1917 г. В этом году уже даже военная победа Центральных держав не решала внутренних межнациональных противоречий, не могла победить центробежные тенденции.

С началом войны уменьшался потенциал внутреннего самореформирования двукоронной монархии. Одна из причин – отсутствие политической воли в Вене и Будапеште. Император и король Карл I (IV) слишком поздно для империи – после смерти Франца-Иосифа 21 ноября 1916 г. – вступил на престол и слишком нерешительно и поздно, в 1917–1918 гг. попытался преобразовать доставшееся ему в наследство от Франца-Иосифа государство. Премьер Венгрии в 1913–1917 гг. И. Тиса в принципе не был сторонником преобразований, учитывавших новое соотношение этнополитических процессов и национальных движений. Реформы, тем более либеральные, во время войны, требующей мобилизации и централизации, невозможны по определению.

Целостность империи могла сохранить только победа в войне. Однако в этом случае после обретения новых земель и изменения этнодемографической ситуации необходимой стала бы и реформа внутреннего устройства. Начав войну с Сербией, из которой после ее неизбежного превращения в мировую Австро-Венгрия имела мало шансов выйти победительницей, империя сама себе подписала приговор²¹.

Целостность империи в 1917–1918 гг. мог сохранить и сепаратный мир, заключенный Австро-Венгрией. Однако и здесь император и король Карл не преуспел. Не помог

²¹ См.: *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи. – Новая и новейшая история, 2001, № 5.

этому и Брестский мир в марте 1918 г. с Советской Россией, означавший юридическое и политическое признание большевиками целостности Австро-Венгрии.

Общественные, экономические и политические процессы и противоречия народы Средней Европы (Центральной Европы и Балкан) воспринимали сквозь призму межэтнических и этноконфессиональных отношений. Процесс формирования и развития партийно-политических систем – этнонациональная консолидация, в 1917–1918 гг. происходил у всех народов Австро-Венгрии. Специфика национальной консолидации у югославянских народов – хорватов, сербов, словенцев (с некоторыми оговорками и мусульман Боснии и Герцеговины), состояла в том, что она проходила на полиэтничной основе, под лозунгом политического, государственного и даже этнического объединения этнических родственных, но разных славянских народов. Различные национально-региональные формы славянской идеологии, в частности – и югославизм, в своей основе восходили к этнонационализму, типологически противостоявшему этнонационализму “германства” и “мадьярства”.

В 1917–1918 гг. произошла перегруппировка сложившихся политических лагерей в Хорватии, Далмации, Истрии, Словении, Боснии и Герцеговине. Однако она затронула только два конкретных вопроса – об отношении к монархии Габсбургов и о новой форме национального самоопределения. Функционально партийно-политические системы и политическая философия партий остались неизменными. Метод достижения целей претерпел изменения. После террористических актов 1912–1914 гг., а также на фоне роста стихийных протестных движений “зелени кадар” политические партии отказались от насилия и видели только мирный путь изменений государства и общества.

В этот момент у значительной части хорватов, словенцев и сербов (у мусульман Боснии и Герцеговины этот процесс протекал иначе) происходило постепенное расслоение этнонационализма и патриотизма с одной стороны, и верности династии – с другой. Изменялся образ Отечества: Хорватия, Далмация, Истрия, Словения переставали ощущаться частями единой Австро-Венгерской империи, связанными личностью монарха, а стали осознаться частями нового государственного образования, основанного на этнической близости.

Общее явление национальной политической консолидации на этнической, а не на гражданской основе, было обусловлено предыдущим развитием империи и стало одним из главных факторов распада монархии путем национальных революций – обретения национального самоопределения в полном объеме путем создания нескольких суверенных независимых национальных государств. Социальные противоречия перед лицом общенациональных задач отодвигались на второй план. Каждым этносоциальным организмом именно национальная свобода воспринималась как необходимое предварительное условие для социального, экономического и культурного развития. Поэтому в Австро-Венгрии произошла только национальная революция (или несколько национальных революций) и не возникла социальная революция (в Венгрии она потерпела поражение). Более того, национальная революция стала восприниматься и рассматриваться как единственное средство решения социальных проблем. Возможности для самоопределения в рамках монархии не осталось²².

²² См.: Hrvati u ratu za slobodu, Bjelovar, 1915; Stenografski zapisnici i prilozi sabora kraljevina. Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Petogodište 1913 – 1918, s. III. Zagreb, 1916; Južnoslavensko pitanje. Zagreb, 1918; The National Claims of the Serbians, Croats and Slovenes. Paris, 1919; *Potočnjak F.* Iz emigracije. I. Nadiranja Italije na nas. Krfska deklaracija. Zagreb, 1919; *idem.* Iz emigracije. II. U jugoslovenskom odboru. Austrijski špijun. Kako sam i zašto, proglašen mrtvim. Zagreb, 1919; *idem.* Iz emigracije IV. U Rusiju. Zagreb, 1926; *Tomuš Jov.H.* Jugoslavija u emigraciji. Писма и белешке из 1917. Београд, 1921; *Стојановић Н.* Југословенски одбор. Чланци и документи. Загреб, 1927; *Vošnjak B.* U borbi za ujedinjenu i narodnu državu. Ljubljana–Beograd–Zagreb, 1928; *Југославикус.* Борба Словенаца за Југославију. Београд, 1934; *Воушњак Б.* Југославенски одбор (1915 – 1918). Београд, 1940; *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956; *Supilo F.* Politički spisi. Članci/Govori/Pisma/Memorandumi. Zagreb, 1970; *Radić S.* Politički spisi.

Осенью 1918 г. на фоне поражения Австро-Венгрии и ее союзника Германии была провозглашена независимость Чехословакии (28 октября), Государства словенцев, хорватов и сербов (29 октября), Немецкой Австрии (12 ноября) и Венгрии (16 ноября). 3 ноября близ итальянского города Падуа было подписано перемирие союзников с фактически уже прекратившей свое существование Австро-Венгрией, а 11 ноября – Компьенское перемирие с Германией. В международных отношениях в Европе завершилась эпоха существования и междоусобной борьбы монархических империй. А 1 декабря 1918 г. в Белграде было провозглашено создание невиданного доселе единого государства южных славян – Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). В 1919–1920 гг. в Версале и его окрестностях решили судьбу стран Средней (Центральной и Юго-Восточной) Европы – наследников Австро-Венгерской империи²³.

Национальная революция в Австро-Венгрии в целом и как общее явление, и каждая из отдельно взятых национальных революций, развивалась мирным путем. Характер вооруженного столкновения она стала приобретать только тогда, когда в нее был принесен социальный (классовый) момент. В то же время, в ходе революции в Венгрии и кратковременного существования Венгерской Советской республики 21 марта – 1–6 августа 1919 г. проблема межнациональных отношений была одной из главных.

Две соседние многонациональные империи – Австро-Венгерская и Российская, в начале XX в. из союзников превратились в соперников, а затем и во врагов. Обе они в значительной степени связали свое существование с Балканами. У обеих оказалась одинаковая судьба – в итоге начавшегося в 1914 г. конфликта, обе оказались побежденными, обе прекратили свое существование. Однако были и отличия. Во-первых, для Австро-Венгрии поражение в войне на Балканах изначально означало реальную угрозу самому ее существованию. Для России это поражение а priori ни в коей мере не могло привести к ее исчезновению с географической и политической карты. Во-вторых, в России после победы социальной (октябрьской 1917 г.) революции территориальная целостность бывшего государств через несколько лет была восстановлена почти в полной мере, и национальные революции потерпели поражение. В России важнейшую роль сыграл субъективный фактор – наличие партии большевиков, которая под лозунгами социальной революции, в которой национальные моменты играли важную, но подчиненную роль, сумела не только прийти к власти, но и обещать народам России устранение национальных проблем в рамках восстановленного на основах “пролетарского интернационализма” государства.

На территории распавшейся Австро-Венгрии все произошло наоборот: национальные революции оказались необратимыми. Социальная же революция потерпела поражение. Во многих землях и не было реальных предпосылок для нее – социал-демократы, за исключением Венгрии, не захотели “поднимать трудящихся”, несмотря на значительное протестное – антивоенное и социальное – движение. Национальную же революцию они возглавить не могли. “Пролетарский интернационализм” не овладел идеологией и психологией “широких масс” Австро-Венгрии, в глазах которых важнейшим путем обретения справедливости, в том числе и социальной, было свое независимое национальное государство.

Autobiografija. Članci. Govori. Rasprave. Zagreb, 1971; *Trumbić A.* Izabrani poltički spisi. Zagreb, 1998; *Supilo F.* Izabrani poltički spisi. Zagreb, 2000.

²³ Имеются в виду договоры, заключенные между державами Антанты, подписанные в Нейи-сюр-Сен 27 ноября 1919 г. с Болгарией, в Сен-Жерменском дворце 10 сентября 1919 г. с Австрией, в большом Трианонском дворце в Версале 4 июня 1920 г. с Венгрией и в Севре 10 августа 1920 г. с Турцией.